

**Работы победителя и лауреатов XI Международного литературного
тютчевского конкурса «Мыслящий тростник»**

Номинация «Философское стихотворение»

Николай Владимирович Переяслов

Не ад, не рай, но что-то же должно быть
за той чертой, когда, сомкнув глаза,
мы возвратим земле земное, чтобы
небесное — вернулось в небеса?..

Жизнь — мимолётна. Но земная вещьность
нам для того, быть может, и дана,
чтоб рядом с нею познавалась Вечность,
словно на фоне шума — тишина.

Пусть мир вокруг материален в доску —
так, что всё можно трогать и вкушать,
как мармелад, вино иль папироску,
но это — плоть, а есть ещё — душа.

И, оглянувшись на весь путь с рожденья,
мы вдруг поймём, увидев жизнь вдали,
что смерть — не больше, чем освобожденье
от силы притяжения Земли...

В БОЛЬНИЦЕ

Я смерть прошу: не надо, подожди,
не торопись — ещё мне очень нужно
смотреть, как льются летние дожди
и воют вьюги зимние натужно.

Я так люблю, когда цветёт сирень!
Мне сладок воздух чистый послегрозя.
Жизнь — виноградник Божий. Что ни день —

в нём зреют счастья золотые гроздья.
Наступит час — мы все покинем свет,
уйдя туда, откуда нет возврата.
Там нет сирени. Летних ливней нет.

И ничего душе не будет надо.
Во все концы, куда ни погляди —
Господня слава всё собою полнит.
Как сладко там!.. Но прежде, чем уйти
в ту даль, так важно — этот мир запомнить...

НОЧЬ НА СЕЛИГЕРЕ

Последняя звездочка с неба
упала в нагретый песок.
Последняя точечка света

сожгла во тьме свой волосок.
Лишь ночь над планетою древней.
Лишь озеро тускло блестит.
Скрипят вековые деревья

да хворост, сгорая, хрустит...
Волна, разыгравшись с волною,
всплеснётся русалкой в тиши
и, словно забытой виною,

наполнит затоны души.
А с луга — стрекочут цикады,
плывут ароматы цветов,
и кажется — лучшей награды —

не сыщешь нигде средь миров!
И, зову весеннему внемля,

до солнца поют соловьи...
...О, Боже! Спаси эту Землю —
от глупых потомков Своих!

ВЕЧЕР

Вот и звонят с колокольни,
всенощной чин отслужив...
Боже! Как сладко и больно
сердцу узнать, что Ты — жив.

О, эти скрепы простые

жизни моей и души:
тихий закат над Россией,
благовест в летней тиши.

Стану над зеркалом речки,
тронув перила моста.
Сердце горит, словно свечка,
перед иконой Христа.

«Господи, милостив будь ми!» —
шёпот уйдет к облакам.
Не обозначатся люди.
Не шелохнется река.

Лишь в тишине предвечерней —
над черепицами крыш —
ломаным прочерком чертит
чёрные молнии стриж...

Анна Леонидовна Рокецкая (псевдоним Анна Арканина)

Конкурсная подборка : «Где плещется свет»

Мы все из снега вышли по прямой,
по наскоро протоптанной дорожке.
Мы сами стали улицей, зимой
и тенью в запорошенном окошке.

Что говорить? Летим куда-то вверх,
нас не узнать – легки и бледнолицы.
В черновиках рифмуем смерть и смех,
пока нам белый свет под утро снится,
пока любовь там катится в сугроб
на сказочной расписанной ледянке
и разбивает в кровь высокий лоб.
Любовь и кровь – извечные подранки.

Как долог путь – всего шестнадцать строк.
До дома шаг – но как дойти до дома?
Скажи мне – снег, а я отвечу – Бог,
как будто я с ним запросто знакома.

Может быть осень

Что-то серое — может быть, осень,
и дымок голубой — первоцвет
с нас потом обязательно спросят
в тихом месте, где плещется свет,
за погибшие травы, за песни
и за всё, что случалось с тобой.
Как летел над водой буревестник,

над остывшей бесцельной водой.

Вот щенка беспокойного треплешь —

то за ухом, то мягкий живот.

Ты с тоской далеко не уедешь,

неустойчивый маленький плот.

Все, что видишь — лишь серое в белом,

чем живёшь — чёрный чай в тишине...

И чтоб дудочка, дудочка пела

обо всём, что напишется мне.

Памяти Рэя

Бег времени — иллюзия и только,

тяжёлый след ботинка «Скороход»,

мерцающая средь деревьев сойка.

Оставь ее — она на Новый год.

Болит, болит у ельника в затылке

и отболит с приходом января.

Ты не умрёшь, ты перейдёшь по ссылке

в кота у дома, в щебет снегиря.

А я стою в дверях и наблюдаю,

как снова снег старается для нас,

как, хлопая ресницами, летают

смешливые снежинки в горький час.

Нет времени, но есть покой и вера.

Прощай, мой друг, и ты меня прости,

и белый дым, и ветреную вербу,

и этот снежный невозможный стих.

Выходишь в середину лета –
сквозит растерянной листвой.
В ней растворен обмылок света –
в зелёной, ласковой, сырой.

И ты застыл посередине –
и вроде жив, и не проспал.
Кино в небесной паутине
идёт, и ты в него попал.

Сорвалось яблоко – и только.
Не ожидай других забав.
И бабочка, взлетая, ойкнет,
затрепетав.

Давай представим – кончилась война,
открыл окно, и небо просветлело.
Воткнулась в небо острая сосна,
и птица невесомая влетела.

И ты вдыхаешь всё, что видишь там –
в картине мира горькой и высокой.
И внутренний похмельный левитан
живописует реку и осоку.

И тишину такую – во всю ширь,
что мужики до смерти б не скосили.
Давай представим самый лучший мир
для стрекозы вот этой и осины.

Виктория Александровна Соколовская

Река под утро затянулась льдом,
перекрестившись чьими-то следами...

Мороз сильнее, и дышится с трудом,
и птицы породнились с проводами.

Не рано ни взрослеть, ни воскресать.
Зима зарюет – для неё не ново
пробраться в спящий город, словно тать,
и снежный белый преломлять пунцово.

С окрестных крыш сигает вороньё.
И дворники, до чистоты охочи,
меняют сонным улицам бельё,
сметая в кучу сны прошедшей ночи.

День размежает веки под звон трамвая,
наспех глотнув тумана, вдыхает смог
и, от людей сонливости не скрывая,
мчит по делам, вливаясь в людской поток.

Воздух с утра пропитан безверьем в чудо,
выбелен, выстелен чистою простынёй...
Кажется, осложненьем грозит простуда,
вызванная хронической беготнёй.

К вечеру рассосутся дела и планы.
Солнце за горизонтом найдёт ночлег.
И телефоны выведут на экраны
новые даты, чтобы продолжить бег.

ЯБЛОКИ

Зимний холод, осень провожая,
выстудит однажды летний сад...

Но пока, в преддверье урожая,
яблоки зелёными висят.

Солнце припекает сердобольно,
на плоды обрушивая страсть.
Кто-то нашептал им: «Падать больно»,
и они мечтают не упасть.

Ветер окрыляет листьев стаю,
вдохновляя взвиться в высоту,
а они трепещут, не взлетая,
охраняя яблокомечту.

Под ветвями, как под образами,
схоронясь в преддождевой пыли,
яблоки зелёными глазами
меряют расстояние до земли.

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

целует пересохшими губами
сырую землю тонкий солнца луч.
поток реки, зажатый берегами,
впадает в небо, плавен и тягуч.

деревья вяжут тень, и петли уже,
чем в час безлистья, сплетены хитро.
и синь небес лежит в прозрачной луже,
лаская цветом лужино нутро.

мы столько дней не выдыхали счастье,
томившееся в рёберной броне,
что это долгожданное ненастье
как будто дышит с нами наравне.

сидим, сутулы и одноимённые,
и наблюдаем, не боясь спугнуть,
как бабочка, влюблённая в пионы,
пѣт из резной ладони жизни суть.

Белая плачет звонница.
На сердце непокой.
Медленно солнце клонится
к рожице за рекой.

Солнцу поклоны отданы
травами вдоль озѣр.
Ветви деревьев сотканы
в мелкий чудной узор.

Каждая тварь бездомная
ищет покой в тиши.
Мгла пробуждает тѣмное
в недрах любой души.

И проступают в темени,
падающей на лес,
звѣзды как вехи времени,
пуговицы небес.